

Гаврилов Д.А.
(НИО «Северный Ветер», г.Москва)

ТРИКСТЕР В ПЕРИОД СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ДИОГЕН, УЛЕНШПИГЕЛЬ, НАСРЕДДИН

Опубликовано:

Гаврилов Д.А. Трикстер в период социо-культурных преобразований: Диоген, Уленшпигель, Насреддин // *Experimentum-2005*. Сборник научных статей философского ф-та МГУ / Под ред. Е.Н. Моцелкова. –М.: Издательство “Социально-политическая мысль”, 2006. –192 с. СС. 166-178.

Ранее мной был подробно рассмотрен архетип “Трикстер” с опорой на работы предшественников.¹ На примере мифологических образов двух эддических богов были представлены следующие основные признаки архетипа Трикстер:

1. Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный.

2. Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социо-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча.

3. Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными ценностями и переводу информации из области непознанного (Мир Иной, Навь) в область познаваемого (Белый Свет, Явь). Он делает неявное явным, вторгаясь в область неизведанного первым.

4. Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда спутник культурного героя или сам культурный герой, его проводник, или его тень, тот, кто проверяет претензии героя на Силу и Власть. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического действия.

5. Трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к перемене пола.

6. Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена.² Трикстер не всегда выходит победителем из затеянной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости.

7. Трикстер выступает, как Старый Мудрец с одной стороны и как юнец – с другой, в зависимости от того, каков находящийся рядом с ним культурный герой, чье чувство значимости Трикстер умаляет.

Предлагая известную ранее классификацию признаков Трикстера и насчитывая их шесть, Хайнс и Доти отрицают серьезность любых исторических реконструкций его

---

¹ Гаврилов Д. О функциональной роли Трикстера. Локи и Один как эддические трикстеры// Вестник Традиционной Культуры: статьи и документы. Вып. №3/ под ред. докт. филос. наук Наговицына А.Е., М., 2005. –192 с., СС.33-59.

² Д. Гаврилов. От ритуалов — к игре и обратно// “Мифы и магия индоевропейцев”, альм. вып. 6, -М.: Менеджер, 1997. СС. 67-73.

образа.³ И это должно быть так, хотя очевидно, что многие вполне исторические личности бессознательно вели себя в соответствии с этим архетипом Юнга, например Ленин⁴. Барбара Бэбкок-Эйбрахамс доводит число признаков Трикстера и вовсе до шестнадцати-девятнадцати, но в этой скупулёзности слишком акцентируется именно на литературный цикл индейцев Виннебаго, упуская более абстрактные вещи, которые роднят всех известных как в Америке, так и в Евразии трикстеров.⁵

Актуальность данного исследования в том, что своевременное выявление Трикстера в своем или чужом окружении по этому шаблону может сыграть важную роль в политической борьбе за власть, которую ведет современный лидер в ближней и дальней перспективах. Социальное воображение оперирует архетипическими образами. Но также оно оперирует образами и конкретной культуры, позволяя нам включиться в действительность, присвоив себе определенные стереотипы и модели поведения, примерив маски социума, как "защиту от плевков и от пощечин". Трикстер обнаруживает себя в том числе и в современной нам устной народной культуре – в анекдотах, как одной из форм реализации социального воображения.

Обратимся к традиционным персонажам бродячих историй и басен, имеющих хождение с античных и средневековых времен по сей день, среди которых: Диоген Синопский, Уленшпигель, ходжа Насреддин и ряд других. Это трикстеры совсем иного этапа социально-культурного развития, чем рассмотренные ранее Локи и Один. Так, мы не найдем у них признаков Мировой космогонической силы хотя бы уже потому, что Творение на уровне демиургов завершено, однако, на уровне социума и государства оно продолжается. Социо-культурное действие Трикстеров этого типа заключается в подготовке общественного мнения для будущих преобразований, поэтому не случайно наибольшее распространение в разной форме историй о лицедеях и шутах относится к переходным моментам истории. Например, возрождение векового театра Петрушки в России происходит перед Русско-японской войной и Октябрьской революцией, соответственно; кукольный театр Пульчинелло расцветает в период усиления экспансии Австрийской империи в Италии; предчувствие Мировых войн подталкивает Ярослава Гашека на создание бравого солдата Швейка; вполне историчный шут Шико (1540 - 1591) – Жан-Антуан д'Анжлер действует в период религиозных войн во Франции и смены династии Валуа на Бурбонов; Бомарше буквально накануне Великой Французской революции ставит "Сивильского цирюльника, "Женитьбу Фигаро", и т.д.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ

Тот же кинизм возник как течение в конц. V – нач. IV века до н.э. накануне греко-македонских войн и подчинения Греции Македонии, становления империи Александра Великого и его эпигонов. Ученые считают, что кинизм – это философия, "стихийно вобравшая в себя и отразившая протест социальных низов (нофы, метэки, изгнаники, вольноотпущенники, рабы, свободная трудящаяся беднота, неимущая интеллигенция, женщины) в эпоху кризиса античного полиса." Живучесть кинизма объясняют тем, что его социальная база постоянно росла по мере разорения среднего и мелкого собственника. Для кинизма характерно полное неприятие рабовладельческого строя, всех его институтов, его законов, норм, стереотипов, морали, идеологии.⁶ И такое представление о кинике сближает его с пониманием архетипа Трикстера по **признаку №1**.

³Hynes W.J., Doty W.J. (eds.). Mythical Trickster Figures. Contours, Contexts, and Criticism. Tuscaloosa and London, 1993.

⁴Abrahamian L. Lenin As a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. V.38. № 2. P. 7-26

⁵Babcock-Abrahams B. "A Tolerated Margin of Mess": The Trickster and His Tales Reconsidered // Journal of the Folklore Institute. 1975. V.11. 1. 3. P. 147-186.

⁶Нахов И. М. Очерк истории кинической философии/ Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М.: Наука. 1996. С.5.

Одним из первых киников считают Антисфена Афинского (445-360 г. до н.э.), но гораздо больше прославился и стал еще при жизни героем многих сотен анекдотов и историй ученик Антисфена – **Диоген Синопский**. Впоследствии имя этого философа стало нарицательным в обучающих историях киников и стоиков, то есть много из того, что о нем рассказывали уже после смерти и много столетий подряд вовсе не обязательно происходило с историческим Диогеном из Синопы (колонии Милета на южном берегу Черного моря). Образ персонажа менялся, отражая изменения в обществе, разошелся на поучительные басни и анекдоты, как, например те же образы Насреддина на Востоке или Уленшпигеля в Средневековой Европе. Вероятно, расцвет кинизма следует отнести к переходному периоду от античных городов-полисов с разнообразной формой правления к временам империй Александра Македонского и его наследников. Сюжет коротких, но поучительных историй о киниках связан с противоречиями в результате еще большего расслоения греческого общества и росту числа рабов за счет порабощения свободных граждан.

Появление Диогена Синопского в Греции связывают с тем, что он был якобы изгнан из Синопы за изготовление фальшивых монет (20, 56)⁷, этим он, само собой нарушил каноны того торгового общества, к которому принадлежал по происхождению. Также рассказывают, что он занимался перчеканкой монет, и даже отправился в Дельфы, чтобы испросить, как ему прославиться, и, получив ответ “*parachaaxon to nomisma*”, он его истолковал сначала буквально, с еще большим усердием перчеканивая монеты (*nomisma*), а потом в переносном смысле, ведь *nomisma* – это “закон”, “обычай”, “установления”.⁸ Он и в самом деле, как следует из дальнейшего, прославился, попирая устои современного ему социума и переворачивая их по-своему.

И Диоген, и Антисфен были прекрасными ораторами и пользовались любовью сограждан, несмотря на то, что поносили этих же самых сограждан (14, 43). Известно весьма резкое и недвусмысленное письмо Диогена элинам.⁹ Но когда глиняную бочку, в которой жил Диоген, разбил мальчишка, то юнца высекли, а Диогену дали новую. Рассказывают, что однажды около этого жилища Диогена на рыночной площади остановился Александр Македонский и сказал: “Я – Александр, великий царь”. – “А я, Диоген, собака”, – представился философ. Спрошенный, почему его зовут собакой, он ответил: “Потому что тем, кто мне подает, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а порочных – кусаю.” Когда же македонский царь Александр приказал наполнить блюдо костями и послать кинику Диогену, намекая на то, что Диогена называли собакой (*суон*). Получив посылку, он сказал: “Еда-то для псов, да дар не церев.”¹⁰ Между тем имя Диоген в дословном переводе с древнегреческого означает “из рода Зевса” (“Дио(с)” – Зевс, бог, а “ген” – род, сын.

Диоген по свидетельству античных источников “не видел ничего ужасного в краже из храма или в употреблении в пищу мяса любого животного. Причем, говорил он, нет ничего нечестивого и в том, чтобы питаться даже человеческим мясом, как это видно из быта других народов”(73). Это приближает киника, как и Трикстера, к миру дикой, первозданной Природы **по признаку №5**.

Трикстер – это провокатор и инициатор социо-культурного действия **по признаку №2**. Киник Диоген и выступает таковым. Осмеянию Диогеном подвергались вовсе не одни только рядовые греки, для него, как и для всякого Трикстера, не

⁷ *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов/ Ред. тома А.Ф.Лосев; перевод М. Л. Гаспарова. – М.: Мысль. 1986 – 571 с. Далее в круглых скобках в части Диогена из Синопы указаны номера фрагментов соответственно VI главы указанного источника, повествующей о киниках.

⁸ *Нахов И. М.* Очерк истории кинической философии... С.18.

⁹ Элинам/ Письма киников. Диоген. В кн. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М.: Наука. 1996. СС. 195-197.

¹⁰ *Диоген Синопский*. Гномы и апофтегмы, собранные из разных источников, 41, 209-210 /Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М.: Наука. 1996. С.117.

существовало авторитетов ни среди властителей, ни среди собратьев-философов. Притчей стал случай, когда Александр, Диоген попросил македонского царя отойти и не загораживать солнца на предложение сделать для философа все, о чем тот только не попросит. Рассказывали еще, что когда Диоген попал в плен в битве при Херонее и был приведен на допрос к Филиппу Македонскому, на вопрос, чем он занимается, философ ответил царю: “Слежу за твоей ненасытностью”, и был отпущен (43).

Диогену сказали: “Многие смеются над тобою”. Он ответил “А над ними, быть может, смеются ослы: но как им нет дела до ослов, так и мне – до них”(58). Когда великий Платон дал популярное определение: “Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев”, Диоген ощипал петуха и принес к нему в школу, объявив: “Вот платоновский человек” (40). По отношению к знаменитому философу Платону выходки Диогена сродни плутовству юнца, но в отношении властителей он ведет себя как мудрец.

Когда Диогена позвали на пир, он отказался, заявив, что недавно он пошел на пир, но за это не видел никакой благодарности. А, явившись на пир полуобритым, он был избит там. Тогда Диоген написал имена молодых людей, колотивших его, на доске и ходил с нею напоказ, выставив их так на позор и поношение (33). В другой же раз, выйдя на площадь, он стал кричать: “Эй люди!” – но, когда на этот провокационный зов сбежался народ, набросился на них с палкой, приговаривая: “Я звал людей, а не мерзавцев”(32). Увидев, как один олимпийский победитель пас овец, он сказал: “Быстро же ты, милейший, променял ристалище на пастбище.” На вопрос, почему атлеты такие тупицы, он ответил: “Потому что мясо в них свиное и бычье”.

Диоген, как истинный Трикстер выворачивает ситуацию наизнанку (**см. признак №6**). Он говорил, что судьбе противопоставляет мужество, закону людей – природу, страстям – разум (38). Кто-то напомнил Диогену, что жители Синопа осудили его скитаться. – “А я их – оставаться дома”, – ответил Диоген (49).

Когда у Диогена сбежал раб, ему посоветовали пуститься на розыски. “Смешно, – сказал Диоген, – если раб может жить без Диогена, а Диоген не сможет жить без раба”. (55). Когда же самого Диогена, попавшего в плен, выставили на продажу, то на вопрос, что он умеет делать, философ ответил: “Властвовать над людьми” – и попросил глашатая: “Объяви, не хочет ли кто купить себе хозяина?”(29).

Античный автор Евбул в книге “Продажа Диогена”, которую вряд ли стоит считать за историческую, сообщает, что будучи проданным, философ долгое время воспитывал сыновей хозяина, обучая их многим искусствам (**см. признак №4**): ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращей, метать дротики, дети учили наизусть отрывки из творений поэтов, историков и самого Диогена, учил он их спартанскому отношению к еде и одежде, а также охоте. Дожив до глубокой старости по Евбулу Диоген завещал похоронить его, как водится у Трикстера, лицом вниз, потому что “скоро нижнее станет верхним” (в СССР известен аналогичный политический анекдот, связанный с похоронами Л.И. Брежнева, труп которого в годы последующих реформ еще благодарственно поцелуют в мягкие места). Этим, якобы Диоген намекал на возвышение Македонии в скором будущем, хотя на самом деле он застал ее взлет при жизни и встречался с Александром Македонским. Говорят, что даже царь сказал в ответ на колкость Диогена: “Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном.”(31)

В притчах о встречах Диогена с тем или иным властителем, как мы видели выше, чаще – Александром Македонским, киник оказывается тем, кто проверяет претензии царя, как культурного героя на мудрость, а значит и власть. Тот же Александр посулил киникам восстановить греческий город Фивы, стертый им с лица земли, тогда ученик Диогена – Кратет – ответил “Зачем? Какой-нибудь новый Александр возьмет и разрушит его опять” (93).

Называя себя гражданином мира, Диоген утверждал, что как слуги в рабстве у господ, так и дурные люди в рабстве своих желаний (63, 66). Позиция космополита позволяет кинику Диогену быть по сути посредником между самыми различными слоями и социальными группами, трансформируя ценности одной группы в ценности, понятные для другой **согласно признаку №3**.

Диогена стыдили за то, что он бывает в нечистых местах, в ответ философ молвил: “Солнце тоже заглядывает в навозные ямы, но от этого не оскверняется”(64). Диоген просил подавание у статуи, чтобы приручить себя к отказам (49). Когда Диоген рассуждал о важных материях, его никто не слушал, тогда философ принялся верещать по-птичьему, собрались люди, и он их пристыдил, что ради пустяков все сбегаются, а ради важных вещей не пошевеливаются (27). Однажды Диоген возвращался из Спарты в Афины; на вопрос “откуда и куда?” – он сказал: “Из мужской половины дома в женскую”(59). Намекая на изнеженность афинян и их приверженность гомосексуальности. Еще он ответил, что в Греции нигде нет хороших людей, лишь хорошие дети – в Лакедемонне (27). Алчность Диоген считал матерью всех бед (50). На вопрос, какой зверь кусает всего сильнее отвечал – из домашних – лстец (51). На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и не подают философам, он сказал: “Потому что знают: хромыми и слепыми они, наверное, станут, а вот мудрецами – никогда.”

То и дело занимаясь рукоблудием на глазах у всех, он говорил: “Вот как бы и голод можно было унять, потирая живот!”(69) Испражнялся и ел он также прилюдно, как “собака”. Диоген учил, что если вместо бесполезных трудов мы предадимся тем, которые возложила на нас природа, мы можем достичь блаженной жизни, и только неразумие заставляет нас страдать (71). Таким образом, и в этом перечисленном мы находим **соответствие признаку №5**, уже ранее выявленному для Диогена и киников.

О смерти Диогена существуют самые противоречивые рассказы(76-79) и уже хотя бы потому она достойна Трикстера. Говорят, что, съев сырого осьминога, он заразился холерой, еще утверждают, что он просто отказался дышать и принял смерть, закусив себе губы зубами, возможно также, что его просто покусали собаки. Это соответствовало его воззрениям, так как Диоген завещал по еще одной легенде бросить свое тело на прокорм зверей или в реку рыбам, тем самым он бы воссоединился с Дикой Природой и миром, породившим своего гражданина. Умер Диоген в один день и год с другим потомком Зевса – Александром Македонским, с которым состоял в переписке и которому предсказал нелепую смерть от обычной человеческой болезни, а не от оружия¹¹.

Тиль Уленшпигель

Первое анонимное издание историй **Тили Уленшпигеля** относят к 1480-м гг. В 1520 гг. истории эти были переведены на голландский и французский языки. По форме их относят к так называемой бюргерской литературе.¹² Возникшая вместе с подъемом городов (XIV–XV вв.) в эпоху Крестьянских войн в Германских государствах, она завоевывает господствующие позиции в XVI веке, отражая враждебную феодальному Средневековью идеологию нарождающегося нового класса. Эта литература явилась преемницей жанровых традиций устного народного творчества, которое стало мощным фактором в развитии городской литературы, жанров песен, шпрухов, шванков. Бюргерская литература начиналась с обработки фольклорных жанров, стилизации и их переосмысления при неперменном воспроизведении национальных нравов и обычаев,

¹¹ Диоген-собака – Александру/ Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М.: Наука. 1996. СС.210-211.

¹² Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель.(серия “Литературные Памятники”). - М.: “Наука”, 1986, СС.160-258.

поэтому не исключено, что образ Уленшпигеля, как и других фольклорных универсалий, восходит к более ранним временам.

Главный персонаж подобных народных книг представляет собой достаточно сложный знаковый конструкт, – указывает М. Ю. Реутин.¹³ Карнавальный шут есть фетиш, т.е. объективация, персонификация некоторых коллективных, в конечном счете, субъективных, представлений. Стало быть, важен не столько шут, сосуд смыслов, сколько заложенные в нем идеи: гиперсексуальность, мудрость, физическая сила, и их реализация в шутовском антиповедении.

Мудрец и шут Морольф, герой сборника шванков Г. Хайдена (1480-х годов) выглядит то ли чёртом, то ли козлом. Детали облика вероятно были "срисованы" автором с натуры, позаимствованы из карнавального мира широкой масленицы, в центре которого находился моделированный наподобие козла шут. На следующем этапе становления народной культуры и устных традиций персонаж получает примитивную типизацию через пол, возраст и социальный статус.¹⁴ Если же обратиться к средневековому сборнику новелл о царе Соломоне, "средоточии мудростей", и шуте Маркольфе,¹⁵ известном в рукописях уже XIII века, стало быть, истории бытовали и много раньше в веках XI-XII, – мы обнаружим явное сходство до деталей в описании Хайденом своего Морольфа, а близость в имени наводит нас на мысль о действительном первоисточнике. Кстати, на Британских островах в XIII веке уже имели хождение списки "Романа о Лисе" ("Рейнеке Лис"), прозаическая версия этого эпохального сатирического произведения была в последствии переписана и опубликована в 1481 году Уильямом Какстоном под названием "Роман о Рейнарде" ("История хитрого плута, Лиса Рейнарда"), который привез первый печатный станок в Англию. "Роман о Лисе" имел популярность в XIII также в Эльзасе, а потом в XV веке переключался и во Фландрию, откуда пошел по Европе.

Следует добавить, что не только шут является основным действующим лицом европейского комического эпоса XIII-XVII вв. Обычно в фольклоре шут выступает в паре с плутом или дураком, либо попеременно становится тем или другим (что характерно именно для Трикстера-шута). Сам шут-Трикстер является центральной, снимающей противоречие между плутом и дураком, совмещающей в себе в ослабленном виде характеристики того и другого. Ярким тому примером выступает придурковато-плутоватый Труффальдино из Бергамо, маска итальянского комического театра эпохи Возрождения и столетия спустя, слуга двух господ в одноименной пьесе XVIII века Карло Гальдони. "Слуга двух господ" – комедия, которая предназначена автором для игры на площади, на карнавале, когда актеры импровизируют, а публика вовлекается в карнавальное действие.

Это уже не черт и не козел, а сперва пронырливый юноша-насмешник, чей образ восходит еще к Гермесу. Наконец, и горожанин: подмастерье, оруженосец или низший клирик, на протяжении всей жизни не обретший строгой фиксации в социальной структуре. По мнению М. Ю. Реутина "немецкий, точнее же сказать, австро-германский шванк принадлежал низовой полу-языческой ритуально-фольклорной традиции, соотносимой с древнегреческой культурой Сельских и Городских Дионисий, в рамках которой творил в частности Аристофан; – основу обеих составляли теллургические, т.е. сельскохозяйственные, культы."

---

¹³ Народная книга позднего средневековья и Возрождения (На материале немецких народных книг XIII-XVI вв.)/Реутин М.Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. – М., 1996.

¹⁴ *Maranda E.K., Maranda P. Structural Models in Folklore and Transformational Essays.* – The Hague, Paris, 1971. – P.23.

¹⁵ Соломон и Маркольф/ Парламент дураков (серия "Азбука Средневековья"). – Спб.: Азбука-классика, 2005. СС.31-57.

Впоследствии шванк, как и соотносимые с ним формы, был интегрирован в более крупные произведения, например в роман Гриммельсгаузена¹⁶ "Симплиций Симплициссимус". Уже в прозаической форме шванк дожил благополучно до конца 18 века, когда Готфрид август Бюргер в 1786 году впервые издал "Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения Барона Фон Мюнхгаузена, о которых он рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей".¹⁷ Наконец, в 19 веке, сюжеты немецких шванков были вписаны в канву великого романа Шарля де Костера об Уленшпигеле. Точно так и средневековые восточные басни о Насреддине послужили канвой роману Соловьева о нарушителе спокойствия.¹⁸

История немецких народных книг о шутах открывается "Попом Амисом" (ок. 1230 г.) австрийского поэта, известного под псевдонимом Штриккер.¹⁹ Главная особенность шванков Штриккера – связь с индоевропейским фондом мотивов.²⁰ Преисполнен значения тот факт, – пишет М.Ю. Реутин, – что оригинальная народная книга Германии возникла только в сер.-2 пол. XV в., т.е. через двести лет нормального созревания фольклорных традиций. На протяжении XIII – XV вв. это ядро обрастало анонимными шванками, рассказанными от первого лица, от лица самого шута, вспоминающего историю своей жизни. Впоследствии их авторство стало приписываться конкретному автору. Подобный феномен вымышленного авторства весьма характерен для многих традиционалистских культур.

В "Амисе" и шванках об Ойленшпигеле мы обнаружим мотивы, как, например, историю об учении молодого осла грамоте по поручению магистров университета. Осел выучил две буквы – "И" и "А", а потом ректор, нанявший Ойленшпигеля умер.²¹ В пределах среднеазиатских культур сюжет традиционно связывается с Насреддином.²² В "Амисе", "Уленшпигеле" (№17) и французских новеллах²³, у Насреддина (№1074)²⁴, не говоря уже о анекдотическом лекаре Чапаеве и ассистенте Петьке, найдем сюжет, как главный герой лечит собственным "говном" зазнавшегося лекаря. В том же "Попе Амисе" и "Уленшпигеле" (№31), а также у Боккаччо (Декамерон, VI, 10 – в некоторой обработке) варьируется сюжет о том, как герой, подобрав где-то череп, объявил его останками некоего святого, и собирал деньги с любопытных и праведников, не хуже иного священника, за рассказ о деяниях мертвеца. В "Амисе" же мы найдем фабулу о мнимом исцелении больных, которых Амис вынуждает к паническому бегству из больницы. Хорошо известен этот классический сюжет, пересказанный Шарлем де Костером применительно к Уленшпигелю, который назвался лекарем и посулил полное исцеление всем хворым, если сварит и даст зелье из самого больного, не сумевшего на своих ногах выйти за пределы больницы. Вспоминается тут и Насреддин, "излечивающий" больных под угрозой сжечь одного из них на лекарство (№1073)²⁵, единым словом "Землетрясение!" вылечивший симулянтов.²⁶

¹⁶ Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен. Симплициссимус. – М.: Издательство "Художественная литература", 1976. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая, том 46).

¹⁷ Приключения барона Мюнхгаузена. – М.: Издательство "Наука", 1985, СС.7-156.

¹⁸ Соловьев Л.В. Повесть о Ходже Насреддине. – Л.: Лениздат, 1980.

¹⁹ Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. 2-е изд./ сост. Б. В. Пуришев, М., 1975.

²⁰ О представленности индоевропейского фонда мотивов в немецкой народной книге XIII-XVI вв. см.: Реутин М.Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение. – М., 1996. – С.94-95.

²¹ Немецкие легенды и саги. М., 2001, СС.320-321; Тиль Уленшпигель, №29/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... СС.187-188.

²² Анекдоты о ходже Насреддине. Пер. с турецк. В. А. Гордлевского, -М.: "Издательство восточной литературы", 1957, № 254, СС.141-143; Молла Насреддин. Пер. с перс. Н. Османова, -М.: "Наука", Главная редакция восточной литературы, 1970, С.72.

²³ О виллане-лекаре// Фаблю: Старофранцузские новеллы. М., 1971.

²⁴ Двадцать три Насреддина. – М.: "Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1978.

²⁵ Двадцать три Насреддина...

²⁶ Соловьев Л.В. Повесть о Ходже Насреддине... СС.94-96.

Уленшпигель, как и Насреддин, играючи расплачивается за запах от не принесенной еды звоном не отданных монет,²⁷ иногда Насреддин присуждает расплатиться звоном монет за покрякивание на работе и долг, взятый во сне.²⁸

Еще один общий мотив как поп Амис писал картину, которую могли увидеть только рожденные в честном браке, и о пожертвованиях, принимаемых только от верных жен.²⁹ В начале XVI в. этот бродячий сюжет вновь всплыл в народной книге о Тиле Ойленшпигеле³⁰, о том, как некий никем не признанный мастер вызвался писать картину для ландграфа Гессенского, а показал ему пустую стену. “Лишь шутиха графини, о которой было известно, что она – дочь пьяницы и уличной шлюхи, только эта дурочка, весело рассмеявшись, запрыгала и громогласно провозгласила, что не увидела ничего, кроме белой стены, а ней следы кисти и кляксы голубого, зеленого, красного и желтого цвета! Озадаченный двор молча потянулся к выходу. Разве можно принимать в расчет слова дурочки низкого происхождения?” Получив деньги, ибо никто не хотел признаться, что он незаконнорожденный, мастер скрылся. “Правда он оставил на прощанье справа в углу на стене тщательно нарисованное изображение зеркала, на краю которого сидела сова, и два слова по-латыни: "Nis fuit" ("некто"), что означало: здесь побывал Ойленшпигель, величайший плут и насмешник, человек, далеко небезупречного и вовсе неблагородного происхождения, наделенный природным умом и здравым смыслом”. Сюжет обработал датский писатель Г. Х. Андерсен в популярной сказке "Голый король", а также использовал Шарль де Костер.

Таким образом, **по признаку №1**, Уленшпигель, или как его имя интерпретирует Шарль де Костер, “я ваше зеркало”, появляется для нарушения сложившихся устоев (прежде всего цехового общества) и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий социальный порядок, способствует деидеализации, превращению идеального мира сознания бюргера в реальный, повседневный мир.

Наиболее распространенный сюжет о шутовстве – это загадывание и разгадывание загадок – “богословский спор”. Обычно здесь противостоят “глупец” и “ученый”, причем последний прилюдно кичится своей ученостью (и, само собой, как это любит Трикстер в результате поворота ситуации с точностью до наоборот, оказывается в дураках): студент Ойленшпигель и ректор,³¹ русский солдат и настоятель монастыря,³² подданный-Насреддин и правитель, или же суфий Насреддин и кичливый мудрец.³³

В 46-ой истории-шванке об Уленшпигеле рассказывается об очередной проделке шута.³⁴ Устроившись в пивоварню подмастерьем, Тиль следит за варкой пива в отсутствие хозяев, ушедших на вечеринку. На определенной стадии варки шут должен бросить в чан дозу хмеля, но вместо этого бросает в кипящий отвар пса Хмеля. Как видим, поворотное событие в этом анекдоте является результатом двойной интерпретации приказа, буквального и дословного исполнения его Трикстером, выворачивающим ситуацию в мифе наизнанку согласно одному из обозначенных признаков. Сначала однозначное (обычно цеховое жаргонное выражение: "прикинуть" рукава, "волк", обозначающий крестьянскую шубу), слово в процессе повествования становится двусмысленным; потому Тиль бросает рукава в повешенную на стене шубу, шьет чучело волка и т.д. Подобным образом поворотное событие строится почти во всех немецких шванках Позднего средневековья. Аналогичный прием – дословного

²⁷ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... №79; Соловьев Л. В. Повесть о Ходже Насреддине... СС.44-45.

²⁸ Двадцать три Насреддина... №№ 895-896.

²⁹ см. Тиль Уленшпигель, №27 /Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... СС.183-185.

³⁰ Немецкие легенды и саги... СС. 327-330.

³¹ Немецкие легенды и саги... СС.318-319; Тиль Уленшпигель, №28/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... СС.186-187.

³² Иван Меньшой – разумом большой. Русские сказки. -М.: “Детская Литература” 1972, СС. 201-204.

³³ Двадцать три Насреддина... №№686,689.

³⁴ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель...

выполнения указаний и выворачивания ситуации через это, мы находим в баснях о Насреддине. Когда мать просит Насреддина посторожить дверь, он снимает дверь с петель, когда ему нужно по делам, и ходит с нею на плечах (№2).³⁵ Герой шванок Соломон выгоняет прочь из дворца Маркольфа: "Чтоб больше я твоей физиономии не видел!" (angesicht) – Отныне царь вынужден созерцать голый зад "послушного" шута (анонимная прозаич. версия "Соломона и Морольфа", XV в.).³⁶

Шванки об Уленшпигеле: №№ 19-20, 39-40, 42-55, 61-62 построены единообразно: Уленшпигель в них – нарушитель сложившихся социальных цеховых отношений и существующих канонов по **признакам №2-4** – нанимается в подмастерье к мастеру (пекарю, кузнецу, скорняку, портному... – и если он не господин всех искусств, то перепробовал хотя бы все ремесла) и в отместку за дурное обращение хозяина (насмешки, плохую пищу, приказ работать по ночам, в праздники и без свечей) портит инструмент, материал или готовый товар, принадлежащий хозяину. Вероятно, сюжет связан с обострившимися противоречиями внутри городской ремесленной среды, мастерами и подмастерьями, отражает их борьбу накануне Крестьянской войны в Германии, в начале XVI века. Формально оставаясь послушным слугой, шут Уленшпигель наносит непоправимый вред, причем не по глупости, а злонамеренно. Он либо владеет всеми искусствами ремесла сразу, либо не владеет в достаточной мере ни одним, и будучи по происхождению ремесленником, он имеет дворянский герб.

Шутки Уленшпигеля подчас скабрёзны **согласно признаку №5** – они животны и на грани существующей морали, а то и за ее пределами. В шванке 25 рассказывается, как Уленшпигель рспорол брюхо собственной лошади и, вытащив внутренности, "сам туда встал обеими ногами", чтобы оказаться между четырех копыт убитой скотины. Это двло ему основание утверждать, что он находится между четырех столпов своего дома, и никто не может его тронуть в этом доме, включая преследователя – герцога на земле которого Уленшпигель "вовсю безобразничал". Рассмешив герцога и вернув его милость, Уленшпигель говорит: "Спасибо тебе, лошадка, ты помогла мне и спасла мне жизнь... Отныне покойся здесь. Тебя сожрет воронье – это лучше, чем если бы склевали меня."

В истории № 24 Уленшпигель побеждает грубой шуткой шута короля польского, который во всем Уленшпигелю подражал. Единственно, чего не смог проделать плагиатор, так как это вслед за Уленшпигелем съесть собственное дерьмо, когда Уленшпигель наложил кучу и оставил сопернику половину. Надо отметить, что многие "шутки" Уленшпигеля (да и любого Трикстера) связаны с испражнениями – тем, что человек стыдится и прикрывает, и тем, чего не стыдится ни одно животное: см. например, №№ 71, 76, 78, 85, 87, 89, 91 – как раз напротив, испражнениями зверь метит территорию, и вымазать в них врага до сих пор в "уличном фольклоре" считается приемом ниспровержения и унижения того, кто "вляпался". К слову, вспомним обливание водой и соком оппонентов современным депутатом – В.В.Жириновским, это явление того же порядка.

Костер описывает Уленшпигеля, как парня не прочь выпить и закусить (обман у героя типа Уленшпигеля зачастую связан с добычей пищи – см. таже шванки №№ 43,45, 56, 59-60. и др.), и сердцеед он тоже редкостный, и с самой ранней юности. Так в пятнадцать лет Уленшпигель, сын Клааса-угольщика, уже соблазняет попавшуюся на дорогу молодую дворянку.³⁷ Но, конечно, у Костера героико-романтическая фабула

³⁵ Двадцать три Насреддина...

³⁶ Соломон и Маркольф/ Парламент дураков (серия "Азбука Средневековья")...

³⁷ *Шарль де Костер*. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях. Пер. с фр. – Н.Любимов. – М., "Художественная литература", 1983. XXVI, СС.60-64

сюжета, и это не позволяет ему для читателя века 19-го написать все то, над чем смеялись несколькими веками раньше любители шванков.

В шванке № 11 Уленшпигель объедает попа, в шванке № 12 выигрывает бочку пива, в шванке № 33 требует с хозяйки деньги поскольку, что ел за троих, а это тоже работа. В истории № 35 Уленшпигель обманывает евреев на тысячу гульденов и продает им свое дерьмо под видом вещей ягод... ну и т.д.

В 93-94 историях об Уленшпигеле говорится о том, что даже умереть этот Трикстер не смог по-человечески, и саму свою смерть он превращает в игру (**см. признак №6**). Пробегавшая мимо свинья перевернула носилки с телом, тело упало лицом вниз, а священники так и свершали над задницей умершего обряды. Когда же тело стали опускать в могилу, веревка лопнула и “Уленшпигель остался стоять на ногах в могильной яме. Тогда все присутствующие сказали: “Оставьте его стоять, ибо он при жизни был удивительным человеком и удивительным хочет остаться после смерти”. И так и засыпали они могилу.” К слову и могил Тиля известно несколько по разным городам, так что, может, он ни в одной и не “зарыт”.³⁸

За много тысяч верст от арабского Востока с его Насреддином, да и в совершенно иную эпоху, чем та, в которую действовал народный Ойленшпигель, писатель Дюма вывел Трикстера – это коллективное бессознательное (вспомним утверждение Юнга, что “психические структуры (архетипы), присутствуют в каждом из нас”) – под маской шута и дворянина Шико, лицедея, объявившего себя Тенью (короля), вытворяющего ровно то, что и положено Трикстеру, инсценировавшего собственную смерть...³⁹

ХОДЖА НАСРЕДДИН

Насреддин, персонаж, хорошо известный на Востоке по сей день. Разные народы знают его под всевозможными именами. Называя Насреддина муллой или ходжой, рассказчик подразумевал, прежде всего, то, что он является учителем, наставником, а значит и испытателем слушателя. Кроме того, если обратиться к 110 суре Корана – “ан-Наср”, можно предположить, что “Наср” в имени героя дословно “помощь”. “Эд-Дин” (араб.) – вера. Таким образом, Насреддин – это нарицательное имя помощника веры, вероятно, суфия. Суфизм – мистическое направление в исламе – зародился, вероятно, раньше самого ислама. Считается, что школ в суфизме столько, сколько суфиев. Остроумные притчи Насреддина, близкие по жанру к анекдоту, тем не менее, представляют собой традиционное явление в рамках евро-азиатской культуры, начиная от тех же киников. Истории, связанные с именем Насреддина, являются определенными формулами для введения слушателя в иное состояние ума, чем собственно, Трикстер и занимается. Насреддин, в баснях, по мнению исследователей суфизма, использует особую дервишскую технику, заключающуюся в том, что он играет роль обывателя, непосвященного человека (суфии называют это “путём упрёка”), чтобы человек смог отразиться в ситуации, как в зеркале, и получить нужный урок. Его кажущиеся ненормальность и эксцентричность являются маской Трикстера, служащей для привлечения и фиксации внимания. У народов Востока существует до сих пор обычай: тот, кто произносит имя этого героя, должен рассказать семь историй, а в ответ на это каждый слушатель также рассказывает семь историй. Считается, что семь насреддиновских историй, изложенных в определённой последовательности, способны привести суфия к озарению и мгновенному постижению истины.

Образ неунывающего хитроватого героя типа Насреддина, путника на ишаке “исколесившем” половину Азии, владеющего всеми искусствами или ремеслами, включая остроумие и обольщение, характерен для большинства стран Востока (**см.**

³⁸ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... С.310.

³⁹ Александр Дюма. Сорок пять. – М.: Художественная литература, 1981, СС. 122-124, СС. 144-146.

признаки №№3-4). Его могут и не именовать собственно Насреддином, а зовут Молла – у азербайджанцев, Афанди (Эфенди, Эпенди) – у таджиков и узбеков, Кемине (у туркмен), Джоха (у арабов), Насыр (у казахов) и т.д.⁴⁰ Даже славяне Балкан, жившие долго под властью турок, имеют своего Насреддина – зовут его Хэро Герцеговинец и/или Марко-чёрт⁴¹, он также веселый герой целого ряда бродячих сюжетов, сказок и анекдотов. Басни и анекдоты Насреддина имеют хождение на Востоке и по сей день. Насчитывается несколько сотен анекдотов о Насреддине, и они продолжают множиться с учетом реалий времени, сейчас Насреддин уже “шутит” об Internet.

Можно предположить, как и в случае с Диогеном и Уленшпигелем, всплеск интереса к образу Насреддина наблюдается в переломные моменты истории, как то, например, распад халифата или завоевательные походы Тимура – с одной стороны, или социальные потрясения, типа революций – с другой стороны, когда народ, в среде которого бытует образ, противопоставляет трудностям периода духовную традицию смеха.

Сторонники гипотезы историчности персонажа считают, что Мулла Насреддин жил при дворе арабского халифа Гарун-аль-Ра-шида и был выдающимся учёным своего времени. Но поскольку проповедуемое им учение подвергалось нападкам, он, спасая свою жизнь, притворился шутом и получил возможность свободно говорить то, что думал. У исследователей “наследия” Насреддина⁴² популярна также гипотеза, что все-таки первый исторический Насреддин родился в Турции в городе Акшехире в 605 г.х. (1206 г.), получил образование в Конье, жил в Кастамону и умер в Акшехире в 683 г. х. (1284–1285 гг.), причем дата на его могиле написана задом наперед, как и положено Трикстеру по статусу. Жил он, стало быть, на изломе эпох, накануне вторжения монголов, и умер еще за сотню лет до Тимура, вместе с которым фигурирует в баснях традиционно. Таким образом и Тимур своего рода персонаж не исторический, а нарицательный.

В баснях о Насреддине и властителях особенно ярко проявляется его черта Трикстера, как того, кто снимает у сильного мира сего чувство его собственной значимости – то есть ворует у него Силу, как и отмечено в нашей классификации – это **признак №1** типичного Трикстера.⁴³ Не удивительно, что и по сей день традиционные шутки Насреддина сохраняют свою актуальность:

“Когда Молла Насреддин переселился из деревни в город, то несколько лет жил в разных домах. Наконец он скопил немного денег, одолжил кое у кого, и построил себе дом с очень маленькой кухней. Об этом сообщили Тимуру, и тот, чтобы посмеяться над Моллой, собрал своих придворных и пришёл к нему. Тимур оглядел комнаты и кухню и сказал Молле: “Дом у тебя хороший, он вполне подходит тебе, вот только кухня мне совсем не понравилась. Разве можно делать такую маленькую кухню? В ней и двум мышам не разыграться – одна обязательно угодит в мышеловку.” “Размер моей кухни свидетельствует о величине моей любви к тебе,” – ответил Молла. “Я что-то тебя не понимаю,” – сказал Тимур. “Что же тут не понять? Если у таких людей, как я, будут большие кухни, то тогда у таких, как ты, не будет больших дворцов.”

Полагаю, что над большинством острот Насреддина смеялись во все времена, ибо глупость и чванство не знают старости. Вот по-прежнему актуальный анекдот, который относится к любому политику любой эпохи и любой страны: “Как-то падишах спросил Насреддина: – Послушайте, кого вы больше всего уважаете? – Тех, кто расстилает

⁴⁰ Двадцать три Насреддина...

⁴¹ Сербские народные сказки. -М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956, СС.199-221, СС.222-223.

⁴² Анекдоты о ходже Насреддине. Пер. с турецк. В. А. Гордлевского... СС. 245-247.

⁴³ Двадцать три Насреддина... СС.569-573.

передо мной богатый дастархан и не скупится на угощение. – Приглашаю вас завтра на угощение! – сказал падишах. – Ну, тогда я и вас начну уважать с завтрашнего дня!”

В анекдотах Насреддин выступает, как и античный Гермес, сперва мальчишкой-проказником, в том числе и в ипостаси своего собственного сына (см. **признак №7**): “Когда Насреддин был молод, он однажды забрался в постель молодой мачехи. – Чего тебе надо? – удивилась она. – Да ты разве не видишь? – спросил он. – Я – это мой отец.” Зрелый Насреддин выступает против молодого Насреддина, который все делает наперекор отцу: идеома “я – это мой отец”.⁴⁴ Например: “Насреддин шел с сынишкой, когда навстречу им попала похоронная процессия. Сын спросил: – Что несут на носилках? – Человека. – А куда его несут? – Человека несут в жилище, где нет ни золота, ни серебра, ни кушаний, ни напитков, ни одежды, ни хлеба. – Разве его несут к нам домой? – удивился мальчик.” Это, впрочем, характерно и для Уленшпигеля, не только показывающего зад согражданам (№2), но и путем разных проделок и краж помогающий матери-вдове (№3,5-9)⁴⁵, балагурящий с отцом о выпивке.⁴⁶ Насреддин-мальчик отличается от взрослого Насреддина тем, что не попадает впросак, во всем остальном – это все тот же шут, только маленький. Сын Насреддина: лентяй, посылающий на работу вместо себя брата (№124); гиперсексуальный “Вовочка”, который уже в детском возрасте не прочь жениться (№136); проказник, сжигающий все спички, проверяя их (№126); насмешник, который своим поведением ставит в неловкое положение самого Тимура (№125). На упрек муллы, что “чаще всего острые умом дети вырастают круглыми идиотами”, маленький Афанди отвечает, что “уважаемый учитель в детстве наверняка был очень умен” (№12).⁴⁷

Иногда Насреддин использует своего сына для суфийского урока: “Посылая сына с глиняным кувшином по воду, Насреддин Афанди дал ему затрешину и сказал: “Смотри у меня, не разбей кувшин!”. Жена Афанди возмутилась: “За что вы бьёте ребёнка? Ведь кувшин-то цел.” “Ничего ты не понимаешь, жена! – ответил Афанди. – Какая польза бить его после того, как он разобьёт кувшин?”

Это весьма тонкий намек и на многих сильных мира, как и в следующей истории: “Рано утром соседи застали Моллу Насреддина горько рыдающим возле своего дома. “Что случилось, что тебя так опечалило?” – спросили соседи. “Ишак, – ответил Молла Насреддин. – Он околел.” “Подумаешь, беда, – успокоились соседи. – купишь себе нового.” “Такого не будет, – молвил Молла. – Мой ишак был единственный в мире не кушающий ишак!” “Так не бывает, – возмутились соседи.” “Нет, бывает, – воспротивился Молла. – Десять дней назад я забыл покормить ишака. Он промолчал. На следующий день я опять забыл его покормить. Он опять промолчал. Увидев такое, я перестал его кормить вообще. Ишак молчал. И только он научился ничего не кушать, как взял и околел. Где я теперь найду такого?”

Насреддин как Трикстер по **признаку №5** проявляет гиперсексуальность, у него подчас несколько жен и несколько дочерей (№141), зерно Насреддина съели не мыши, а дети (№157), он не прочь поменять жену на календарь, потому что каждый год его заменяют новым (№36); готов взять несколько жен, если в одной нет нескольких качеств (№46); собирается жениться на старости вновь, так как зимой огонь нужней (№55); во время очередных родов, гасит свечу, лишь бы жена больше не рожала (№112); идет сватать за друга, но сам объясняется в любви (№32) и т.д.

“Какая ты у меня хорошая да пригожая! Что бы я делал, если бы Аллах не создал тебя, – сказал как-то Насреддин своей жене. – Наверное, век бы не женился ни на ком. –

⁴⁴ Молла Насреддин. Пер. с перс. Н. Османова ... С.144.

⁴⁵ Тиль Уленшпигель/Прекрасная Маргелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель... С.310.

⁴⁶ Шарль де Костер. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке...

⁴⁷ Двадцать три Насреддина... (далее нумерация историй и страниц только по этому же источнику)

А что бы ты делал, если бы Аллах создал двух таких, как я? – Взял бы обеих в жены, – не задумываясь, ответил Насреддин (№45).

Насреддин по тому же признаку, как Трикстер, проявляет обжорство – именно в этом искусстве соревновался Локи с огнем в “Старшей Эдде”: сожалеет, что у него не шесть пальцев, не три руки и что он может проглатывать лишь по два куска(№201); готов умереть от обжорства (№№205, 209), садится за стол незванный ссылаясь на долг вежливости или знакомство с пищей(№№210,211) и т.д.

Согласно **признаку №6** Насреддин под стать оборотню, он играет роль, он создает образ, наиболее удобный для того, чтобы донести слушателю ту или иную мысль, при этом Насреддин, как правило, выступает возмутителем спокойствия и нарушителем существующих порядков. Как лекарь он лечит, как больной он болеет и умирает (СС. 579-580). Он то судит, то сам оказывается подсудимым (СС. 573-575). Выступает то как мудрец, то как невежа (СС. 567-569), оставляет в дураках и сам проявляет себя “глупцом”, шутит, но и оказывается жертвой шутки (СС. 557-567). Он торгует – лишь бы торговать, и покупает – лишь бы купить (С. 555). Он бывает и беден и богат. Он ворует, что почему-то с легкой руки Соловьева за Насреддином не признается (С. 556-557), но и оказывается обворованным:

“Однажды ходжа вошел в лавку халвовщика. Не оборачиваясь по сторонам, он направился прямо к прилавку и принялся уписывать халву. Продавец на него набросился: – Эй ты, по какому праву ты лопаешь халву даром у правоверного мусульманина? Так говоря, он начал избивать ходжу. А тот невозмутимо ответил: – Что за прекрасный человек – он силой заставляет человека есть халву!”

Насреддин соответствует в полной мере Трикстеру и в сюжетах о собственной смерти, превращенной в фарс: носит сам по себе траур (№1098); опоздав на чужую панихиду, надеется побывав на собственной (№1099); просит похоронить себя вниз головой или в незамурованной могиле(№№1110-1111); просит написать на могиле, что он умер, не родившись(№1113), ищет более здоровое место для собственной могилы(№1100); водит за нос Азраила, меняя свое положение на смертном одре, откладывая свою смерть и не позволяя ангелу смерти встать в изголовье, и Аллах признает правоту Насреддина (№1118); является к согражданам и после смерти, нарушая спокойствие мира смертных людей, которых он столько раз дурачил и смешил при жизни (№1119).

На примерах Диогена Синопского, Уленшпигеля, Насреддина вкратце рассмотрен архетип "Трикстер". Показано, что ранее выделенные основные черты и функции Трикстера классического мифа, участника Творения мира богом-демиургом, практически сохраняются у Трикстера эпохи смены старой / творения новой социально-культурной формации и представлены в традиционном фольклоре народов Европы и Азии.